

Шахов Вячеслав Александрович

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЛОКУС ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИИ: ЭТНОГЕНЕЗ И КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

В статье исследуется состояние культуры анклавного локуса Юго-Восточной Балтии как особой территории Российской Федерации посредством диахронического анализа этнокультурных традиций. Авторский анализ этносоциальных процессов на территории Юго-Восточной Балтии показывает, что, несмотря на стремление во все времена акторов исторического процесса придать культуре региона палимпсестный характер, она стихийно развивается диахронно. При этом можно констатировать влияние на неё самых древних этнокультурных феноменов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/7/39.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (97). С. 145-148. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ANALYSIS OF BEGINNING, DEVELOPMENT, CHANGE AND COMPLETION OF LEGAL CONFLICT

Khudoikina Tat'yana Viktorovna, Doctor in Law, Professor
Kazakova Yuliya Evgen'evna
Ogarev Mordovia State University
thudoikina@mail.ru; kazakova.95@mail.ru

The article examines the dynamics of legal conflict as a process of its beginning, development, change and completion. All the stages of the dynamics are highlighted. The conditions of the beginning and completion of legal conflicts are revealed. The analysis is conducted and the typical signs and peculiarities of each of the stages of legal conflict under consideration are described. The content of the main used notions on the subject of the research is revealed.

Key words and phrases: legal conflict; dynamics; analysis; stages; opposition of conflict sides; subjects of conflict.

УДК 008:39; 008:351.858

Культурология

В статье исследуется состояние культуры анклавного локуса Юго-Восточной Балтии как особой территории Российской Федерации посредством диахронического анализа этнокультурных традиций. Авторский анализ этносоциальных процессов на территории Юго-Восточной Балтии показывает, что, несмотря на стремление во все времена акторов исторического процесса придать культуре региона палимпсестный характер, она стихийно развивается диахронно. При этом можно констатировать влияние на неё самых древних этнокультурных феноменов.

Ключевые слова и фразы: Юго-Восточная Балтия; социокультурный локус; палимпсестность; диахронная культура; социокультурные методы; культурная традиция.

Шахов Вячеслав Александрович, к. культурологии, доцент
Калининградский государственный технический университет
shakhov1952@yandex.ru

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЛОКУС ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИИ:
ЭТНОГЕНЕЗ И КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ[©]**

Новое время для исторической Пруссии можно отсчитывать с правления Фридриха Вильгельма I (1713-1740). Характерными особенностями внутренней политики протестантской Пруссии были конформизм по отношению к протестантам и социальная агрессивность по отношению к чужим – иноверцам или еретикам. Активная миграционная политика протестантских сюзеренов способствовала окончательной германизации региона. Фридрих Вильгельм I использовал потенциал целенаправленной социокультурной миграционной политики для привлечения высококвалифицированных единоверцев со всей Европы. Помимо немцев и французов, в Пруссии поселились голландцы, менониты из франкоговорящих кантонов Швейцарии, протестанты из Зальцбурга и Пфальца (Германия), а также из Литвы [5]. Тем самым чисто социокультурными методами был обеспечен быстрый подъем экономики, культуры и военного дела – осуществлялась мечта гораздо более позднего политического деятеля, что наука должна стать «непосредственной производительной силой». Жесткий идеологический контроль является одной из функций социокультурной деятельности, как бы плохо это не звучало в наш либеральный век. Сдерживание свободы совести рамками полицейских инструкций привело к полному отсутствию в регионе национальных и конфессиональных конфликтов.

На литовцев «Малой Литвы» эта политика, как на официально признанных автохтонов, не распространялась – значительная степень их ассимиляции была добровольной и естественной в условиях экономического и культурного превосходства германского населения края. После образования светского герцогства в Восточной Пруссии (в литовской традиции – «Малая Литва») были созданы определенные условия для развития культуры негерманских этнических групп. Протестантская пропаганда строилась на декларировании Восточной Пруссии исторической наследницей не Тевтонских Орден, но автохтонов, т.е. пруссов и литовцев. До конца XVIII века в Восточной Пруссии литовская культура, прежде всего литература и книгопечатание, развивалась интенсивнее, чем в Великом Княжестве, находившемся под властью России. Именно в Восточной Пруссии появилась первая книга на литовском языке – «Катехизис» Мартинаса Мажвидаса (1547), впервые была переведена на литовский язык Библия (1590), опубликована первая грамматика литовского языка (1563), увидело свет первое крупное оригинальное художественное произведение – поэма «Времена года» Кристийонаса Донелайтиса (1818). Псалмы, переведенные реформатскими деятелями, создали литургику литовцев всех конфессий, дошедшую до наших дней. Нужно признать, что в XVIII-XIX

веках литовцы Пруссии играли ключевую роль в становлении литовской национальной культуры *in corpora*. Кенигсбергский университет, изначально ориентированный его основателями на распространение немецкой культуры и лютеранства на колонизованных прибалтийских землях, охотно принимал в корпус профессуры уроженцев Польши и Литвы. Через польских и литовских преподавателей, а затем и выпускников университета – учителей, пасторов, чиновников – внедрялось реформаторство в среде коренного населения герцогства и пропагандировалось лютеранство на землях соседей. Изолированная по конфессиональному признаку от других регионов балто-славянского континиума, Восточная Пруссия окончательно германизировалась после образования Прусского княжества. В 1618 году персональной унией (династия Гогенцоллернов) Восточная Пруссия была объединена с Бранденбургским курфюрством, а с 1660 г. столица государства перенесена в Берлин.

В советской историографии сложился стереотип о Пруссии как рассаднике милитаризма и агрессии, что объясняется потребностями пропаганды в военное время. Этому противоречат, в частности, записки Андрея Тимофеевича Болотова о пребывании в Кенигсберге [1], свидетельствующие о том, что в XVIII веке здесь жили преимущественно мирные люди, не помышлявшие о захвате чужих земель, а стремившиеся к труду, добрососедству, знаниям. Война, развязанная монархами, была в корне чужда им. Они не испытывали ненависти к русским. Пленные, они радушно принимали в своих домах победителей. Побежденные, они по доброй воле принимали присягу на верность русской императрице.

На реальную жизнь теоретические представления очень часто действуют непосредственно, над современностью довлеет прошлое не только состоявшееся, но и виртуальное, придуманное и внедренное в сознание народа. В частности, это относится к истории как феномену общественного бытия и к истории как науке. Из поколения в поколение методами вертикальной передачи знаний формируется наиважнейшая для существования этноса информация по мировоззренческим и поведенческим вопросам, ориентирующим личность в различении добра и зла, проблемам этнокультурных норм, обычаев, обрядов. Возможны две модели воздействия истории на современность – *палимпсестность* и *диахронность*. Все мы воспитаны на истории второго порядка, палимпсестности, наложении друг на друга сосуществующих культурных пластов-контекстов, стирании предшествующих этнокультурных пластов. *Палимпсестность* порочна в принципе, ибо вырывает исторические факты из контекста, излагая их тенденциозно, с искажением истины, девиацией к «злобе дня», вплоть до придания противоположного смысла, что приводит к абсурдным умозаключениям [8]. Особенно это характерно для советской историографии, которой палимпсестность была присуща более чем средневековым схоластикам, причем источники догм выбирались зачастую некритически и без учета традиций и интересов изучаемых народов.

Другая модель рассмотрения и трактовки хода истории культуры – *диахроническая* – наиважнейшая для существования этноса, подчеркивающая прямое и непрерывное воздействие на этнос культуры предшествующих поколений – от первобытных ее форм до современных. Диахронность порочных черт российской этнокультурной политики в советское время проявлялась с маниакальным постоянством. Для примера напомним политику в Советской Литве. Вероятно, не меняя принципиально устои советского образа жизни, экономически и идеологически было невозможно сохранить в ней традиционные способы ведения сельского хозяйства или предоставить свободу вероисповедания. Но советские власти без всякой на то необходимости вмешивались, зачастую с самыми лучшими намерениями, в культуру и традицию инкорпорированного государства. Эти воздействия были чрезвычайно затратными и во многих случаях благотворно влияли на инкорпорированные территории – были созданы национальные научная и техническая интеллигенция, система качественного образования, медицинского и социального обеспечения, достаточно мощная промышленность. Но из-за безграмотной этнокультурной составляющей титульным нациям национальная политика Советской власти казалась чуждой.

Уникальность ситуации в социокультурном локусе Юго-Восточной Балтии заключается в том, что здесь всегда происходил процесс *кондекции*, взаимопроникновения инокультур, выступающих носителями аксиологической и коммуникативной функций. Л. Гумилев подчеркивает: «*Этническая история не подменяет истории социальной, а только дополняет ее, заполняя вакуум, неизбежно образующийся при строгом применении только одного аспекта*» [3, с. 255]. Процессы межкультурной и межцивилизационной адаптации, развивавшиеся на протяжении всей истории цивилизаций, наглядно демонстрируют неразрывную связь геополитики и культуры. Эта связь наиболее четко проявляется во взаимодействии геополитических и геокультурных образов, сталкивающихся в пространстве, подверженном цивилизационной турбулентности.

Общество Иисуса (JS) выступило объединяющим звеном литовской и латышской католической и протестантской культур, создав единую литургику этих народов и поддержав внекостельную национальную обрядность, положив начало генотипа межконфессиональной амбивалентности. Позднее эти благочестивые обычаи в допустимых по каноническим законам пределах были заимствованы православными диоцезами. Историческая память до сих пор сохраняет особую ментальность региона, сказывающуюся не только на специфических способах этнокультурной ассимиляции, но и на передаче элементов этнокультуры диспергированных народов вмещающей нации, даже если ныне нет ее носителей. Это положение можно отнести как к культуре исчезнувших пруссов, так и уничтоженных на глазах еще живущего поколения литовских евреев – *литваков*.

Южная Балтия после распада Орденского государства вошла в создававшиеся на этой территории мощные государства – Речь Посполитую и Прусское герцогство, претерпевшие затем ряд преобразований,

вплоть до вхождения в единую Германскую и Российскую империи после разделов Польши. Для ментальности всех народов региона важно, что государственность Речи Посполитой всегда имела гипертрофированные формы демократии. Напомним, что шляхта в Польше составляла почти 30% населения, т.е. явно более, чем маркизов-гасконцев во времена Сирано де Бержерака. Только после принятия в Польше в 1807 году взвешенной Конституции прямого действия были введены четкие принципы наследования короны, устранены *liberum veto* и права Конфедерации. Следует отметить, что интеграционные процессы в Речи Посполитой в большей степени затронули цивилизационную культуру, в то время как влияние на этнокультуру в целом не слишком бросается в глаза. Разумеется, сосуществование народов разных этнических групп и традиций существенно влияло на их этнокультуры, но эти процессы были практически всегда лабильными, эволюционными. Ход данных процессов в Юго-Восточной Балтии был уникальным – например, этнические области Франции и Испании после государственного объединения, происходившего примерно в это же время, утрачивали большую часть национального своеобразия. В то же время величина имен поляков, живших в Литве, их влияние на мировую цивилизацию потрясает – к ним относятся строитель (или соотрясатель) государств и законов Сапега, благороднейший рыцарь Чарторыйский, гениальные Мицкевич и Манюшко. При этом на собственно литовскую культуру эти гении практически не оказали воздействия. Не будем забывать, что к этой же культуре примыкали русские кружки великих князей Константина Павловича и Константина Константиновича, виднейших членов царской семьи, через которых польско-литовская культура редуцировалась в интеллигентные слои русского общества. Только в конвергенции – взаимодействии, взаимопроникновении – культур кристаллизуется духовный опыт народа, без этого немислимы развитие цивилизации в целом, её прогресс [4; 7].

Герцогство Пруссия, после взлета своей государственности и культуры в дни Реформации, статуировалось как аграрная окраина германских княжеств и, по сути, не заслужило приписываемую ему мрачную роль «зародыша Германского империализма». Последний начал свой путь от Бранденбургских ворот. В это время Восточная Пруссия была тишейшей и глухой провинцией Европы. Жить здесь было достаточно комфортно, о чем писали многие уставшие от бурной петербургской жизни русские путешественники, особенно немолодые.

Но жаждущие героических подвигов немецкие пассионарии просто стыдились этого многовекового прозябания, примером чему являлся К. Маркс, всегда с раздражением относившийся к провинциальной агрессивности прозябающих в сытости и полном отсутствии событий пруссаков. Кажется, он единственный сумел увидеть в мирных самодовольных провинциалах ядро будущих европейских катаклизмов. Вот что он писал Ф. Энгельсу 2 декабря 1856 года: «*В списке правителей (Пруссии – В. Ш.) всегда лишь три характерных типа, чередующихся как день и ночь: ханжа, унтер и скоморох – с отступлениями, которые вызываются лишь перестановкой фигур, но отнюдь не появлением какого-либо нового типа. Если государство при всем этом держалось все же, то только благодаря посредственности – aurea mediocritas [золотой середине – ред.] – тщательной бухгалтерии, избежанию крайностей, точности военного устава, известной доморощенной пошлости и “церковному уставу”. Все это – отвратительно»* [6, с. 69].

Важна еще одна многовековая особенность германской этнокультурной политики в регионе. Хотя немецкая культура в Восточной Пруссии была доминирующей, всегда поддерживались определенные условия для развития культуры негерманских этнических групп. Это привело к образованию специфического литовского подэтнуса – населения «Малой Литвы», *литувиникай* (ныне подэтнос практически исчез, став чисто конфессиональной протестантской стратой, в этническом плане слившись с основной массой литовцев). Причем условия для развития литовской культуры в Восточной Пруссии, а также культурного обмена с единоплеменниками в Большой Литве были достаточно благоприятные. В дальнейшем, после отпадения от Св. Церкви, Орден также энергично переселял в регион компактные группы жителей Германии, Польши, Литвы и других стран, исходя в выборе групп мигрантов из религиозных приоритетов. Таким образом, на протяжении столетий данная территория представляла поле уникального социокультурного эксперимента, проводимого то стихийно, то в контексте определенной политической программы.

Признаем, что Реформация не только извергла народы региона из спасительного лона Апостольской Церкви, но и изолировала по конфессиональному признаку литовцев Восточную Пруссию от основной массы литовского народа, привела к интенсивной германизации края, ибо для протестантского населения опация в соседние католические или православные страны была этнокультурно невозможна. После Тридентского Собора (1545-1563 гг.) живительное движение Контрреформации достигло Юго-Восточной Балтии, католическая духовность восторжествовала в Литве и в Польше. В Литве ее вдохновителем был епископ Меркелис Гедрайтис (JS). Общество Иисуса выступило объединяющим звеном литовской культуры, преуспело в культурной миссии и спланировало все социальные слои общества, позднее включив в рамки своей интеграционной стратегии русских жителей и Царства Польского, и Великого Княжества Литовского, а также русскую интеллигенцию Санкт-Петербурга. Вильнюсская Иезуитская Коллегия, старейший университет на территории России, являлась центром диалога культур Запада и Православного Востока, связующим звеном российской и балтской, более того, западноевропейской культуры.

Сознательно примененная Орденем этнографическая технология полной политической абсорбции диспергированных народов с сохранением культурной автономии показала высокую эффективность для сохранения как государственной целостности, так и самобытности малых этносов, прежде всего, литовцев. При относительно небольшой численности других этнических групп они оставляли иногда очень значительный

след в формировании культуры и ментальности жителей Восточной Пруссии, особенностей ее экономики. Но сами при этом полностью ассимилировались в течение жизни пары поколений. Прежде всего, это относится к гугенотам – 20 тыс. человек, почти десятая часть населения провинции, мигрировали из французской Нормандии при Людовике XIV. Их навыки в технологиях выделки кожи, ткачества, керамики, парфюмерии до сих пор определяют традиции этих видов промыслов в Юго-Восточной Балтии. Примененные ими в нашем регионе методы агрикультуры, необычные для столь северных широт, оставили в наследство огромные сады южных фруктовых деревьев, виноградники, технологии производства деликатесных сыров, легких белых вин и духов. Но уже к началу XVIII века в Восточной Пруссии не было французов – только немцы с французскими семейными корнями.

Естественно, нельзя говорить о строгом единообразии исторических процессов. Наглядным примером этого являются указы Фридриха Вильгельма I Прусского, который после страшных эпидемий законодательно создал систему поощрения рождаемости и брачности, отменив жесткость пуританского обычного права вплоть до официального разрешения на десятилетия многоженства.

Отметим, что после Франко-Прусской войны в Восточной Пруссии все национальные проблемы, если они не являлись собственно немецкими, перешли в качество внутриобщинных, а то и семейных. Несмотря на циклопичность происходивших тогда в регионе геополитических процессов, это время можно считать периодом эволюционных изменений этнокультуры. Наблюдалось несколько видов таких процессов. Прежде всего, это динамическое развитие больших этнических массивов – польской и германской наций. Эволюция культуры многомиллионных народов, как правило, принимает лабильный характер, даже если происходит в революционные в политическом и в социальном отношении, годы. Наиболее интенсивные этнические процессы шли в германской Восточной Пруссии, которая практически полностью утратила характер многонационального государства. Видный современный немецкий поэт Йоханнес Бобровский, уроженец Юго-Восточной Балтии, определил этнографию Клайпедского края следующим образом: «*Северо-восточный уголок Германии, где некогда поляки, литовцы, латыши, остатки погибшего народа пруссов, русские и немцы жили рядом и вперемешку друг с другом, – а еще цыгане и вместе со всеми евреи*» [2, с. 324].

В результате этого, кроме германской прусской общности, на землях Восточной Пруссии была создана и балто-славянская этнокультурная общность, наследие которой во многом очевидно и в наши дни, ибо ряд элементов ее до сих пор не полностью вышел из культурного оборота в нашем субкультурном локусе, пребывая не только в народном фольклоре, но и в предметах народного искусства, особенностях архитектуры. Можно предположить, что в условиях постоянных контактов эти общие культурные мотивы постоянно обновлялись и взаимно усиливались. Анализ истории этносоциальных процессов на территории Юго-Восточной Балтии показывает, что, несмотря на стремление во все времена акторов исторического процесса придать культуре региона палимпсестный характер, она стихийно развивается диахронно, при этом можно констатировать влияние даже самых древних этнокультурных феноменов.

Список литературы

1. А. Т. Болотов в Кенигсберге. Калининград: Калининградское кн. изд-во, 1990.
2. Бобровский И. Избранное. М.: Молодая гвардия, 1971.
3. Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. М.: Товарищество Клышников, Комаров и К^о, 1992.
4. Иконникова С. Н. Структура исторической культурологии // Культура на пороге III тысячелетия: сборник. СПб.: Академия культуры, 1998. С. 7-13.
5. Колганов Э. М., Строкин В. Н. Страницы памяти. Калининград: Кн. изд-во, 1985.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 29.
7. Петружис Г., Комарова И., Новиков А. Поиск ценностного ядра на перекрестке культур (о пределах интеграции) // Калининградская область в новой Европе. Социокультурный опыт – вчера, сегодня, завтра: сборник. Пунск – Клайпеда, 2003. С. 70-80.
8. Janettes J. Palimpsestes. La litterature au second degre. Paris, 1982.

SOCIO-CULTURAL LOCUS OF SOUTHEAST BALTIC: ETHNOGENY AND CULTURAL TRADITION

Shakhov Vyacheslav Aleksandrovich, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
Kaliningrad State Technical University
shakhov1952@yandex.ru

The article deals with the culture state of the enclave locus of Southeast Baltic as a special territory of the Russian Federation by means of the diachronic analysis of ethno-cultural traditions. The author's analysis of ethno-social processes in the territory of Southeast Baltic shows that despite the desire at all times of the actors of historical process to give palimpsest nature to the culture of the region it spontaneously develops diachronically. Thus it is possible to establish impact on it by the most ancient ethnic and cultural phenomena.

Key words and phrases: Southeast Baltic; socio-cultural locus; palimpsest nature; diachronic culture; socio-cultural methods; cultural tradition.